

Василий Бетаки

ЖИЗНЬ
В ПОЛСТРАНИЦЫ

1992

P A R I S

КНИГИ ВАСИЛИЯ БЕТАКИ

"Земное пламя" Ленинград 1965.

"Замыкание времени" Париж 1974.

"Европа - остров" Париж 1981

/ Стихи и переводы /

"Пятый всадник." Париж 1984

"Русская поэзия за 30 лет" Нью-Хейвен,
1987. / статьи о поэзии 86 авторов /

"В граде Китеже" Ленинград 1991

"Жизнь в полстраницы" Париж 1992

Готовится к изданию:

Избранное / стихи и переводы

1949 - 1991 /.

"Мармион" Роман в стихах В. Скотта. Москва
/ серия "Литературные памятники" /
Перевод В. Бетаки, комментарии Г. Усовой.

Василий Бетаки

ЖИЗНЬ В ПОЛСТРАНИЦЫ

Лирика 1962 – 1992

1992

ПАРИЖ

Опять - сведенных жаждой губ
Дрожащие углы.
На каждом новом берегу
Сжигаешь корабли.

Кострами прежними спина
Давно опалена,
Но неоткрытая страна
Опять зрачкам нужна.

И обойдя вокруг Земли,
В какой-нибудь из дней,
Наткнешься вдруг на горсть золы
От первых кораблей.

1969

Бунтует парк!
О, как всеильна
Его глубинная душа,
Сухой и колкой снежной пылью
Проспект неоновый глуша,
Чтоб страхом замутились фары,
Чтоб покосилось изнутри
Самодовольство тротуаров,
Самонадеянность витрин!

И вот -
Как белый тигр, как доблесть,
Как возмущение аллей
Врывается метельный отблеск
В бездушье ртутных фонарей
И крутит яростные сальто,
Ограды черные грызя,
Непогрешимости асфальта
Ветвями тонкими грозя!

1963

МИХАЙЛОВСКОЕ

И с каждой осенью
я расцветаю вновь...

А.С.Пушкин.

Сквозь ресницы дождя прищурясь,
Смотрит город.
А хочешь, съездим еще раз
В Святые Горы?
Там тоже теперь дождик, и наверное
Совсем нет приезжих.
Клены ждут, примороженные, нервные:
Сколько еще продержатся?
Ну что же, до первой бури!
Бегите, листья -
Скоро зима будет,
Уже близко...

А сосны, рыжие черти, зеленокрылы,
А осень строчки дождями чертит
У его могилы...
А ведь не зря он осень любил, Пушкин...
Кто это говорил, что осень в лесах - скучная?

Поехали!
Зато не встретим, как летом,
Косяки знакомых!
Поэзия
Бродит одна в осенних рассветах -
Таковы законы!

Без пассажиров, по песчаному склону,
Сквозь строй леса,
Исхлестанный шпицрутенами зелеными,
Автобус лезет -
Обгоняем на велосипедах,
Тригорскому машем плащами:
Осиповы, прощайте!

Зимой вернемся на лыжах -
Зайдем к вам чай пить...

Маленец от осоки зелен,
Красны калины,
Пусто в доме у него, как в музее,
И не горят каминь,
И хозяина нет - уехал...
А может - просто
Взял свою железную палку,
Да и отправился к деду в Петровское?

Звенят под ветром
Ветви над головою.
Пойдем к липам старым -
Там каждый ствол раздвоен.
Недаром
На камертоны похожи
В аллее Керн липы:
Осенью надо по их ветровой дрожи
Сверять лиры...

1964

Жалейте мокрые заборы,
Чернеющие над снегами,
Когда ветра в апрельском гаме
Их вечно осыпают сором,
Жалейте мокрые заборы -
У них ведь лужи под ногами!

В распутицу, в сырую талость
Вдали, как в небе, два-три дома,
Да две ветлы - такая малость -
Торчат над сизым окаемом,
Чернеют, позабыв о сини,
Над серым месивом дорог -
Жалейте мокрую Россию:
Забор и раб ее, и бог !

1964

ИЗБОРСК

Николаю Рубцову

За Труворовым городищем,
За тяжким каменным крестом,
Напрасно взгляд предела ищет,
В плывущий уходя простор.
И все - внизу: кусты и крыши,
Журавль колодца и пруды,
Бумажный змей, толпа мальчишек,
Да яблоневые сады.

А в грозовом вечернем небе,
Над всем величьем тишины -
Неровный выветренный гребень
Полуразрушенной стены.
И обезглавленные башни
С пустыми стрельнями вразброс
Над нынешним и над вчерашним
Безмолвно встали в полный рост...

И стены, серые, как туча,
Под тучей, грозной, как стена,
Нависли над зеленой кручей
В оковах векового сна.
И кажется, что город этот
Не мертв, но чутко предан сну:
Ведь яблоки, срываясь с веток,
В предгрозые рушат тишину!

1963

...А живут в Дibuнах дibuняне.
Или, может быть, они - дibuнийцы?
Вдруг - дibunцы, или даже дibunиты?

А как хорошо бы обнаружить
Хоть что-нибудь небытовое
В маленькой станции,
Что каждый день пробегает за окнами:
Ну, а вдруг?

Надо бы сойти с электрички,
Расспросить аборигенов...
Да все вот
Недосуг...

1962

Вечерами в переполненном трамвае
Зыбкий контур отраженного лица,
От вагонного стекла не отставая,
Так и движется сквозь город до кольца.

Там во тьме - черты пикассовой голубки,
Бровь одна чуть-чуть сильнее подведена,
Рыжий свитер над квадратом белой юбки
В полуметре от вагонного окна.

Так прозрачно неподвижное движение,
Только алым озаряются зрачки -
Это с ними совместились на мгновенье
Обгоняющей машины огоньки.

Сквозь мельканье окон встречного трамвая,
Как сквозь движущийся сгусток пустоты,
В вечер, в город, пролетая, проникая,
Невредима эта хрупкость красоты!

Слишком зыбко. Невесомо. Нереально.
В полуметре от летящего стекла
Так спокойна и немислимо печальна
По чертам лица струящаяся мгла,

Потому что свет в вагоне слишком плотен,
Чтобы так - не улыбаясь, не скорбя...
То ли город за окном наоборотен,
То ли я, в него глядящий сквозь тебя?

Л.Г.

Когда случается всерьез,
Доверься ветру, он излечит,
Доверься милости берез,
Пусть осень их зажжет, как свечи,
Чтоб в теплый нестеровский вечер
Они гляделись в темный плес.

Когда случается всерьез -
Неповторимость каждой встречи
Листвой невнятной лепечет
Тебе... Так пальцы тонких лоз
Кирпич ласкают и калечат.

Когда сбывается всерьез -
Закат над морем бесконечен,
Пусть берег двинется навстречу,
И лодка вскидывает нос,
Залив туманен и беспечен,
И весла попадают врозь,
И ты не замечаешь гроз,
А грозы падают на плечи...

1965

Вот и сонный июль, и ночная Нева.
Станет город в закатах топить острова,
Над провалом каналов нависнут мосты,
Тенью воду выхватывать из пустоты,
И останется город без слов и без снов,
Словно сотни других городов...

Сонный, каменный, голову мне не морочь:
Ведь утоплена белая ночь!
В молчаливых закатах ты сжег острова,
И в единственном русле осталась Нева,
И опять до весны ты без снов и без слов,
Словно сотни других городов.

1965

КАФЕ НА ОКРАИНЕ

В.Т.

Кафе на окраине. Легкие стены стеклянные,
Глядимся в их синь, в марсианские телеэкраны,
Пропав, потерявшись, попав на другую планету,
В чужие кварталы, которых почти еще нету,
Оттуда, где каждый трамвай, фамиллярно мигая,
Раззвонит, что видел вдвоем нас во встречном трамвае.

Кафе на окраине. В солнечном отсвете медном
Мы смотрим где сесть, на мгновенье у входа помедлив,
И люди, глаза оторвав от тарелок и рюмок,
Глядят на тебя, и светает в их лицах угрюмых.
Свой мир принесли мы туда, где никто нас не знает,
Где впору поверить, что это - планета иная,
И радостно-редки мгновенья таких эмиграций:
Ведь чудом, случайно, сюда довелось нам забраться
Оттуда, где люди и кони, дворцы и колонны
Незыблемы, каменны, бронзовы, определены,
Сюда, где все спутано, смешано, несоразмерно,
Где сверху на избы уставились стекла модерна...

Кафе на окраине. За легкими шторами - краны.
А дальше - калитка скрипит и в окошках герани,
И этой девчонке недолго уже остается
Ходить с коромыслом к замшелому срубу колодца...
И все-таки жаль тополиную улицу эту,
Как жаль вдруг открытую нами чужую планету.

Забор да скамейка сосновая...

Что это? Кони?

Не Аничков мост ли их выслап за нами в погоню?
Укрой нас, наш друг неожиданный, тайный, случайный -
Деревня в кольце небоскребов, кафе на окраине...

1966

Стеклянный вечер на снегу
Лежит, и лень ему подняться.
Как он сумел так распластаться,
Стеклянный вечер на снегу?
По скользкой улице бегу
В толпе витринных иллюстраций -
Стеклянный вечер на снегу
Лежит, и лень ему подняться.

1966

Вот так остановиться и смотреть
На фонари, проталины и окна,
То вверх, то вниз, пока душа на треть
В хрустящей оттепели не размокла.
Глазеть на ветви тополей нагих,
На серый снег, на белые карнизы,
Потом прийти домой - и этот стих
Останется навеки недописан...

1966

На льду - тончайший слой воды,
И окна кинулись в пруды,
И зажелтели подо мной
Семиэтажной глубиной,
Как будто в землю город врос,
Зеркально симметричный нам,
И конькобежец - как Христос -
По окнам, крышам, фонарям...

1964

Впереди бесконечная зима,
А на улице снега по колени,
И гуляет такая кутерьма
Аж по всей шестидесятой параллели.
Лупит ветер то в морду мне, то в бок,
Только воздух, в самом деле, - без движенья:
То опять Земля уходит из-под ног -
Ощуаю подошвами вращенье...
Надоел необъезженный буран.
Снова белый жеребец сорвал подпругу...
Хоть бы выйти на какой меридиан,
И держась как за канат, -
скатиться к югу.

ЗАМЫКАНИЕ ВРЕМЕНИ

...А завтра я приду опять
Пустые поезда встречать.
Дождь. Отсыреет мой табак.
Опять вагонов мокрый лак,
Асфальт платформ и ртутный свет,
И поезд, и тебя в нем нет...
Платформа ждет.
Из пустоты -
То чемоданы, то зонты,
И делает пустой ее
Отсутствие твое...

И тот же поезд. И вагон.
И те же люди - на перрон,
И кончик стрелки - тот же круг:
А вдруг?
Но тот же дождь и тот же свет,
Как будто много лет
Я ожиданье берегу -
Я столько ждал, что спать смогу!
Уйду и выплусь, а потом
Вот тут же встану под дождем.
И та же стрелка круг замкнет,
И поезд снова тот...

И я стою.
И свет стоит.
И дождь.
И даже этот ритм,
Как будто пущен фильм кольцом:
Начало склеено с концом,
Как будто осужден всегда
Встречать пустые поезда.
А завтра я приду опять
Пустые поезда встречать...

И крылья яхты под дождем
Мокры,
И молча в листьях мокнут острова.
Вдали окно слилось с окном.
Костры?
Насторожились окна и слова.

У фонарей глотает спектры мрак.
Асфальт и фары на проспектах -
Лак!
Канат, как мокрая змея.
Причал...
Зачем ты хочешь, что и я
Молчал?

1967

В пустоте почерневших каналов
Ты искал отражение свое,
Но дождливая ночь распинала
Неоправданное бытие.

Словно ящеры, ждущие хлеба,
Гнулись черные краны к воде,
И вертелись то вправо, то влево,
Чтобы небо на шею надеть.

Ты встречал в переулках нелепых
Истомленные лица людей,
И ложилось усталое небо
На лиловый асфальт площадей,

И ложились усталые платья
В темноте на чужие ковры -
Лишь тогда забывались проклятья
До неверной рассветной поры.

Лишь тогда в глубину истязанья
Проникали живые слова,
И казалось - взорвется молчанье,
И сквозь город прорвется трава.

Но дворцы были сонны и слепы,
Ты напрасно им в очи глядел...

И гранит, почерневший от гнева,
Напрягая, как трещины, нервы,
Промолчал и собой овладел.

1968

Под влажным солнцем осени желтеет Летний Сад.
Беседуют философы под тихий листопад.
Ни шороха, ни голоса, и только с высоты
На мраморные головы планируют листья.
И паутинки осени над белизной висков
Усыпаны монетками осиновых листков.

О, мраморные личности, не схожие ни с кем,
Вы - тень от необычности миров, систем, и схем!
Ничто вам вьюги желтые, дожди и холода,
Закатом обожженные, вы знаете, когда,
Запахивая ватники и на ветру дрожа,
Вам будки деревянные наденут сторожа.

И вмиг исчезнет разница, и пропадет лицо,
И серых досок равенство накроет мудрецов.

1968

ПАМЯТИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Солдаты ушли купаться,
 Но бдительны и строги,
 Как символ всех оккупаций,
 В строю стоят сапоги.
 По берегу ровной ротой,
 Четыре шеренги в ряд -
 Начищенные до рвоты,
 Одни сапоги, без солдат.

И каждый - подобье танка.
 От пары до пары - шаг.
 На каждом висит портянка,
 Но это - не белый флаг!

Солдаты ушли купаться,
 И пусть по воде круги -
 Живет божество оккупаций,
 Черные сапоги!

Да разве в солдатах дело? -
 Четок сапог стук -
 К чорту солдатское тело:
 Важен только каблук!
 По городам и травам -
 Четок шагов счет -
 - Рррота! Ррравнение! Пррравно-
 е голенище - вперед!!!

Кормежку живым болванам? -
 Четко стучат шаги! -
 По мраморам и тюльпанам
 Без них пройдут сапоги.
 Пройдут, протопают тяжко -
 Четок шагов счет ! -
 А впереди фуражка,
 Покачиваясь, плывет...

август 1968

Вот и полночь. Поэму опять дописать не удастся.
Световое пятно - круг от лампы - дрожит на столе,
Серый мрак отгоняя от круглых границ государства,
Где живут все поэты, с какими дружу на земле...

Байрон прыгнул в окно. Он сегодня в халате и феске.
С ятаганом, кривым, как смешок,

он присел в стороне...

Вальтер Скотт, в кресло бухнувшись,
чуть не сорвал занавески...

Киплинг справился по телефону:

зайти ли ко мне...

Вдруг обои на стенке меняют рисунок и тему -
Проявляется денди с увядшим цветком на груди,
Пальцы тонкие в перстнях отодвигают поэму -
Это пьяный Эдгар хмуро требует:

"Переводи!"...

Осторожно Шеко постучит, извинится, что поздно.^{x/}
Он - реальный. Он снимет пальто, не заметив других.
Сядем чай пить на кухне. За окнами будет морозно.
И Шеко напоет мне персидский отточенный стих.
А потом зашагает домой, невысокий и ловкий,
Мимо озера, мимо забора, теряясь в потьмах...

И еще один гость.

Он появится из кладовки,
Той, что шкафом стенным именуют
в стандартных домах.

Этот гость - не поэт.

С ним рифмуют, как правило, п р о ф и л ь :
Он настолько худой, что его не увидеть *en face* -

ю-е-Гасан - курдский поэт. /Р.в 1929 году / Живет в Тби-
в шестидесятых годах учился в аспирантуре Института Вос-
едения Академии Наук. Многие из его стихов я перевел.

С петушиным пером и в дырявом плаще, чорт бродячий,
 Мысик шапочки красной, как стрелка торчит между глаз.
 Слушай, оперный тип! Ты, наверное, адрес напутав,
 Заблудился в стандартных хрущобах

и в клетках квартир -

Доктор Фауст живет в однокомнатной келье напротив,
 Спит и видит, чтоб ты его душу опять прихватил.

Старикан все скрипит.....

.....

..... Но тут начинается новая тема -
 Возврат потерянных лет.

На круги своя вернется поэма,

Поэма, которой НЕТ.

1969

БАКИНСКАЯ БУХТА

*Auf die Berge will Ich steigen
Lachend auf euch niederschauen...*

Heinrich Heine.

Тут бродячих собак под навесом полно,
И морская вода попадает в вино.
На дюралевых ножках, как на сваях, столы,
И читает стихи мне Ага Лачанлы.

И звучит надо мной ритм газели двойной,
И я слышу, что он в самом деле двойной,
Что его повторяет каспийский прибой
И закат, оттененный персидскою хной.
И неправдоподобно восточной стеной
Дворец Ширваншахов торчит за спиной...

Этот берег стихов чем-то душу томит.
С ним когда-то на ты говорил Низами,
И хоть здесь лишь в стихах ты найдешь соловья,
И ни дня не бывает без ветра,

но я -

Злостный враг буколических бредней Руссо -
Если жизнь обернется такой полосой,
Что тошнить меня станет от всех корректур,
От почирканных зеброобразно страниц,
От критических морд и начальственных лиц,
Этих, чей карандаш по стихам - как Тимур -
Трупы слов оставляет и яростных птиц
На полях - чтоб в мозгах был налажен ажур -
Если тошно мне станет от серых фигур,
От солидных очков, от ладоней-мокриц,
От ровесников лысых и крашенных дур,
Изрекающих плохо срифмованный вздор,

Опускающих с хлопанием шторы ресниц,
После взглядов, пронзительных как фотоблиц, -

Гейне в горы грозился -

ну а я уж сбегу

Под изодранный тент на морском берегу.

1969

В небе летнем, старинном
И почти что пустом
Резко вздыблены спины
Разведенных мостов.
И нежданный, как лебедь
Над Невой несогретой,
В фиолетовом небе
Силуэт минарета...
Над гранитами призрак
Бухары бирюзовой
Азиатским капризом
В сон Европы суровой -
Словно в "Аве Мария"
Влился клич "Бисмилла!",
Полумесяцем крылья
Изогнув у орла,
Словно небо кусая,
Две змеи над Невой
Встали рядом, касаясь
Облаков головой,
И у каждой по телу
Пляшет ромбов мираж...

И молчит опустелый
Петропавловский пляж.

1969

Август был самодержавен и ленив,
И сады его устали от корон.
Он просил осенней ржави и любви
Разморенной, горькой ивовой корою...
Желтый пляж

                глотал фламандские тела,
И дыхание заменяло разговор...
Ты

рукой большой и мягкой мне дала
Переполненный закатом помидор.

1969 :

■   ■   ■

Черные сучья, белые стены,
Мимо решеток сада
Белой поземкой улицу стелет
Снежная серенада.
В мире двухцветном, в мире без красок,
В этом февральском мире,
Без остановки автобус тряский
Проходит мимо...

Фары ослепли...
Снег, для чего ты -
В лица молчащих, милых?
Вьюга любви подхватит кого-то
В этом февральском мире...
Ах, не шутите с белой погодой
Черными вечерами -
В мире двухцветном азартный город
В чет-нечет играет с вами.
Любят - не любят, решают разом,
Бесповоротно, мигом.

Как в старом фильме, только две краски
В этом февральском мире.

1969

А меня никто не провожает,
Только там, как лик святой, бледна
На платформе женщина чужая
В раме ослепленного окна.

Вниз прямые волосы пролиты,
А над ними - солнце, словно нимб...
То - чужие боги ждут молитвы,
Но не время поклоняться им.

Длинноглазая, не жди моления,
Лик иконный, не гляди в стекло -
Ждал я в нем не твоего явления,
Только чуда не произошло.

1970

КОЛХИДА

В причудливых сумерках черным рисунком
 Нависли третичные сосны Пицунды.
 Им столько веков, что в сравнении с ними
 Медея - совсем современное имя!

Курортники шумно уходят на ужин,
 И море пустеет... Пусть им будет хуже!
 И чорта ль им в том, что для дерзостной кражи
 "Арго" швартовался у этого пляжа,
 Что эти же сосны глядели, балдея,
 На ту, кто была твоей тезкой, Медея!

А ты, кахетинка, скажи мне, какими
 Судьбами такое античное имя?
 Его мои дальние предки слышали,
 И буйволы те, что когда-то пахали
 Кирпичную почву под зубы дракона,
 Огонь выдыхая на панцирь Язона.

Вон этого древнего пламени блеска -
 От низкой луны водяная полоска,
 Да только вот мне золотого руна -
 Не на...

И вовсе тебя похищать мне не надо,-
 Ну что ты сидишь?.....

Качаюсь на лунной дорожке в воде я,
 И камушки в воду кидает Медея,
 И светятся над аргонавтом без судна
 Аргоны двадцатизатной Пицунды.

Псков.1970.

...И снег на площади - бумага.
Условны черточки людей.
А там всего-то два-три шага
От освещенных площадей -
И вот Приказная Палата
С огромным в темноте крыльцом,
И в эту темноту куда-то
Углом врезающийся Кром.
Он непомерно вертикален.
А две замерзшие реки
Лежат и сходятся в провале,
Где снег летит на огоньки.
В ночи от Троицкой громады
До двух мостов - по триста лет...
Тут Арсенал. Обрыв от сада.
Глубокий снег. Глубокий след.

На три или четыре века -
Нас только трое: я, да ночь,
Да ветер, падающий в реку,
Чтобы смолчать и не помочь...
А за рекой Козьма с Демьяном
Грозят бунтарским куполком,
И звонниц черные прораны
Бредут по снегу босиком.

От них до той кинорекламы -
Пятьсот шагов, да триста лет,
Ворот вневременная рама,
Глубокий снег, глубокий след...

1970

В этом торчащем и многоэтажном
Хаосе книг, электричек и встреч
Вдруг промелькнет неизбывная жажда
Несберегаемое сберечь.

В городе теплом, спешащем и мокром,
В городе, мчащемся через ветра,
Рыжие, молча не движутся окна,
Все растеряв, что хранили вчера.

Не сбережешь... Так не надо быть страусом,
Прямо в глаза, словно в окна взглянуть...
Что мне за дело, мы правы, не правы ли?
Мне б только ребра успеть застегнуть.

1969

В безоблачности, над гранитной крепостью,
Над клетками дворов,
Летающий ангел пойман в перекрестье
Прожекторов.

Распахнутые судорожно крылья -
Внутри креста,
И ангел бьется на булавке шпиля,
И ночь - пуста.

Молчи и слушай, если ты крылатый,
Как до утра
Еще трубит тревогу ангел, взятый
В прожектора.

1971

Из варяг в греки - звоните:
 Пути нет,
 Да и телефонные нити -
 В паутине.
 Как ладьям, где ни реки, ни волока?
 Пути нет...
 Только провода, сволочи,
 По плотине.

В тряпки парус выкинул,
 Сломал весло...
 Неуютно викингу:
 "Херсонес, алло!"

Не туда попал ты -
 Кричит век...
 Мокрые асфальты
 Вместо рек.

"Наберите снова..."
 Где там - челнам:
 Не пройти и слову
 От вас к нам.
 Облака навалены
 На провода...
 "Не туда попали Вы..."

- Н е т о г д а...

1972

Кто мы?

Последняя осень России в венозных ладонях листов...

Клены -

Ослепшие лоси носились в морозных загонах лесов.

А вдуматься в осень -

Рассвет отраженный, багровая гниль.

Растила - да бросила, ветром сожженных,

Под снежную пыль...

Потомки мыслителей, пасынки серой зимы -

Кто

Мы?

Откуда?

Из тени бессонной, где ртутные блики мертвы,

Где чудо -

Немного зеленой, пропахшей мазутом травы!

Гранит петербургской Европы,

Москвы азиатский базар...

Спартанцы бросали нас в пропасть,

Забыв завязать нам глаза -

И мы воскресаем -

Не так, как Христос или Будда...

Откуда?

Куда мы?

К бесплодным пескам ли, к холодному камню

Нордических скал?

Содома

Оглянутся вслед нам, но бледно

Сверкнет их соленый оскал:

Поймать бы, порвать бы портрет, уходящий из рамы!

Куда мы ?

18 апреля 1973 г. Ленинградский
аэропорт.

ТИРРЕНИЯ

По черно-зеленому морю
Ночь к берегу гонит косо
Гневных тритонов гривы
И платиновые косы.
Тритоны трубят тревогу -
Из тьмы подводного сада,
Пригнувшись, вдоль волнолома
Бегут седые наяды.

За то, что морские тайны
Однажды открыть посмели
Тому, кто живым вернулся
Из их подводной постели,
За то, что к лестнице лунной
Они привели Энея -
Чем ближе бегут они к скалам,
Тем седина блее...

И в черной заре прилива
Косматым девятым валом
Нептун довершит изгнание
Познавших любовь русалок -
Их жадный песок сжигает,
Но верует берег сонный,
Что будет дано песчинке
Зажечься звездой зеленой...

А днем - это просто море...

Ф.Ярошевскому

Замок Ангела стал музеем -
Первый век и двадцатый квити!
Стали кошками львы Колизея,
Итальянцами стали квириты.
Итальянцы бастуют лихо,
Кошкам носят еду старушки,
По музеям ржавеют тихо
Гладиаторские игрушки...
Все руины пристойно прибраны,
Все на месте: и пицца и пъяцца...

Но когда засыпают римляне -
Львы по крышам уходят шляться.

1973

МЫ - ИЗ КИТЕЖА

Н.Н.Рутченко

В граде Китеже, в граде Китеже,
На безлистом илистом дне...
Погодите же, погодите же:
Слышен колокол в тишине!
В граде Китеже, в граде Китеже,
Где намокла дневная мгла,
Не разбить вам, не заглушить уже,
Не достать вам колокола!
И когда забудет о розовом
И нахмурится верх лесной,
Над изломанной гладью озера
Станет ветрено под луной,
И стеклянные волны призмами
Вновь подставят бока лучам,
Мы - не призраки, но как призраки
Подымаемся по ночам!

За сараем в собачьем лае -
Мол, хозяин, возьми с собой! -
Мы опять вороных седлаем,
И опять в безнадежный бой!
Крепко взнуздываем надежду
И накидываем плащи,
И выходим на берег между
Двух осин - и ищи свищи!

Ну а в Китеже, ну а в Китеже
Ночью молятся и о нас:
Разбудите же, разбудите же
Хоть кого-то на этот раз!

И когда поезда гремящие,
Обогнав нас, трясут мосты,
Разгляди, что мы настоящие,
Что совсем такие, как ты...

Тонет звездный свет в гриве лошади,
Старый дуб в ночи крутит ус...

Дай мне, Господи, крошку прошлого -
Я пойму теперь его вкус...

К дому дом, очерившись, лепится,
Словно вздрагивает во сне.
Перепуганные троллейбусы
Прижимают уши к спине,
По асфальту, где окна спящие
Не расслышат копытный гром,
Мы проносимся - настоящие -
И скрываемся за углом:
Отряхните же, отряхните же
Наваждение на этот раз!
Мы - из Китежа, мы - из Китежа,
Мы сегодня разбудим вас!

Заблудиться в пятиэтажи,
До утра не найти свой дом,
Где всеобщую распродажу
Вам грозят за каждым углом,
Где на улицах и вокзалах
В кумаче - ордынская вонь,
Где в церквах гаражи, пожалуй,
Потому, что не в моде конь...
Вы не младше нас и не старше нас,
Так не плюйте в нашу тоску,
Не умели мы под татарщиной,
Не хотели в аркан башку!

Души съедены, сосны спилены,
Вместо птичьего - свист хлыстов...
Оттого-то и затопили мы
Все - от папертей до крестов,
Затонули мы вместе с Китежем,
И поэтому - вас живей!
Отворите же, отворите же,
Вот мы спешили у дверей!
В ваших комнатах, в ваших комнатах
Там, где страх, как столетье стар,
Мы напомним вам, мы напомним вам.
Все, чем жили вы до татар,

И о Китеже, и о Китеже,
Ибо мгла его - не смогла...
Ну, проснитесь же, ну, очнитесь же,
И услышите колокола!

1974

Несложно дверь сорвать с петель -
Труднее подобрать отмычку,
Сменить привычку на привычку,
Поверить, не впадая в хмель,
Что тянется еще апрель,
Что август не поводит бровью...
Что ж, продолжай, зови любовью,
Качай пустую колыбель.

А ты? Давно уж сел на мель
И чиркаешь сырые спички,
На службу ходишь по привычке,
И тянешь ту же канитель,
И все надеешься досель:
А может, что-то не истлело?
Тащи свое пустое тело,
Качай пустую колыбель!

Там, где летел на клевер шмель,
Кустарник трактором изранен,
И в алюминиевом тумане
Давно не трель слышна, а дрель.
Ольшаник забивает ель,
Шакалам уступают волки...
Мости никчемные проселки,
Качай пустую колыбель...

Кого за тридевять земель
Ласкаешь ты, слепая Лия?
Мы - далеко... Не спи, Россия,
Качай пустую колыбель!

1974

Как старый клошар от машин и зеркал
К желтой Сене, к молчанию,
Как черный камень с бретонских скал -
В ущелье, к забвенью, отчаянью,
Как враз из фонарного - в лунный свет,
Как на Таити Гоген,
Как ветер вдруг шептаться в траве,
Как в Китеж, как в скит в тайге,
Как в сон больной, перепелка в кусты,
От лая, от гона столиц,
Как смертный грех несут в монастырь,
Всем телом - на плиты ниц,
Как с виселицы веревка - вдрызг
В грохоте барабана,
Как зверь затравленный в нору, вниз -
Во тьму зализывать рану.

1976

Три обезьяньих божества
Прикованы к одной цепи.
В ночи, когда молчит трава,
Смотри, - на цепь не наступи!

Они висят к стене спиной.
Вот этот глух, а этот слеп,
А этот - нем.

А за стеной
Мир гулок, светел и нелеп...

Лес шевелился, как вампир,
Река брела своей тропой.
Глухой глядел сквозь черный мир,
И слушал тишину слепой.
Их деревянный мир был пуст,
Но что-то было вне его,
И не отняв руки от уст,
Молчало третье божество.
И только цепь была виной,
Что этот глух, а этот слеп,
А этот нем - а за стеной
Мир гулок, светел и нелеп...

Но лопнула однажды цепь.
Немой попрежнему молчал,
И только тот, который слеп,
В ночи от ужаса кричал,
Но не слышал его глухой;
И тихо плакал третий бог:
Он, зрячий, чуткий, но немой
Все знал, и высказать не мог...

Ночным десантом, саранчой над каждой лужей,
 Над эйфелевой каланчой, над углем кружев,
 На зеркала, на фонари в ночи речистой,
 Белея, падали в Париж
 Парашютисты.

И возле каждого кафе заложниц брали,
 В чертовок превращая фей - чтобы не вдали.
 Снег предлагал антистриптиз,
 Привычки руша,
 Ломился чистотою риз
 В чужие души.
 Он верил только сам себе -
 О, как бесстыже
 Хозяйничал в чужой судьбе
 Тот снег в Париже!
 Рябил чернильный сон воды, бродил садами,
 Морозил груди и зады в кинорекламе,
 Как пьяный гангстер ослеплял автомобили,
 Химерам пасти залеплял - чтобы не выли!
 Хоть час - да мой!
 Хоть до зари грязь будет белой!
 И старым липам в Тюильри прически делал...
 Людовик, бронзовый старик, не веря в утро,
 Надменно пудрил свой парик неверной пудрой.
 А завтра - завтра хоть потоп все к чорту слижет,
 Зато сегодня он , зато... Он - снег в Париже!

Снег, сотрясатель бытия афиш и спален,
 Он был - мой брат, он был, как я, парадоксален,
 Как знак "13" на часах, как в Ницце лыжи,
 Как хиппи в муромских лесах,

Как...снег в Париже!

1976

В.П.

"Он не заслужил света,
он заслужил покой..."

М.Булгаков.

"Спи, спи - дождик идет."
Грустная нежность, каменный свод.
Средневековый Париж за окном
Пахнет жаровней и кислым вином,
Серые камни висят, как века,
Мягко глаза прикрывает рука:
"Спи, спи - дождик идет..."
Втиснулся в улочку бледный восход.
"Света не будет, но будет покой..."

Я бы поверил, да век не такой:
Слышишь, в России Россия не спит,
Слышишь - охрана по снегу скрипит,
Кто-то ареста и обыска ждет!
"Спи, спи - дождик идет..."
Тихо по мелким квадратам окна
Катятся капли сожженного сна,
И заикаются колокола,
Словно бы ночь и сама не спала,
Словно шептала всю ночь напролет:
"Спи, спи - дождик идет,
Света не будет, но будет покой -
Мы ведь в шестнадцатом веке с тобой..."

Я бы поверил...
- Ну что ж ты молчишь?

Видишь, я спутал Москву и Париж...
Видишь - швейцарец сменяет стрельца,
Скаред-Людвик сбегает с крыльца,
Свечка не гаснет, Малюта не спит,
Рядом корявая дыба скрипит,
Слышишь - бургундец в подвале орет...
"Спи, спи - дождик идет..."

ФУГА

Памяти А.Галича

А скрипка вопит в переходах метро,
Играет венгерку мальчишка лохматый,
И в шапку - чуть брякнув - то зло, то добро,
То смерть, то любовь, то взгляд виноватый.
И плачет смычок в лабиринтах подземки,
О чем-то никчемном еще беспокоясь,
Когда по кольцу, пляя желтые зенки,
Забыв остановки - взбесившийся поезд...

И каждые, каждые сорок минут
Вся серия станций опять повторится,
Все в том же порядке, те самые лица,
И те же стопкраны бессмысленно рвут...
Кольцо - без концов, состраданье - старо.
Ни улиц, ни смеха, ни ветра, ни горя -
Есть просто взбесившийся поезд метро,
И вовсе за ним никаких аллегорий.

И скрипка вопит в переходах метро,
Вопит, как болотные выпи в России -
Не жилы воловьи, а нервы людские
Кричат, как расплавленное серебро!
Тот белый смычок в перехлестах реклам
Их наглого крика и мельче,и тише...
Тебя не раздавят, но и...не услышат,
Хоть руку смычком распили пополам!

А поезд несется все тем же маршрутом,
И некому стрелку - ну хоть бы в тупик!
И кто-то не хочет, а кто-то привык,
И плечи одеты,и души обуты.
Там сверху - дома, магазины, бюро...
Что - сверху? Нет верха! Там - тоже подполье!

Ты свылся, ты смялся с навязанной ролью,
А скрипка вопит в переходах метро...

О, нет, не устанут цыганские струны,
Корявые луны и ветер ничей,
В афишном удушье бессмысленно юны
Лесные перуны басовых ключей,
И пляшет на кафелях ломаный свет
Под смешанный запах дождя и камелий,
Резины горелой, порубленных елей,
Дерьма и Диора, блядей и газет...

А там - минотавра железная выя
Нам в души гудит, как в пустое ведро,
А люди все мимо спешат, как живые,
А скрипка вопит в переходах метро
О тех, кто засунут в летящий без цели
Скрежещущий поезд, кружащийся век,
Которым не метры, а сотни парсек
До каждой мелькающей лампы в тоннеле...

А скрипка вопит в переходах метро.
Не струны так рвут - парашютные стропы,
Так - болью в подполье, в пещеру циклопа
Вываливается живое нутро,
Не струны так рвут, а рубаху враспах,
Не жилка смычковая - нож гильотины,
Так лопаются при пожаре картины,
Так сам над собой измывается страх...

Но прет минотавр. Состраданье - старо.
Рубильники ржавы. Вагоны - по кругу.
В подполье Европы - железную фугу!

А скрипка царапает своды метро...

Париж 20 декабря 1977.

Вот так подаются в клошáры,
Где набережной кривой
Слепят тебя желтые фары,
Которых не знал над Невой,
Вот так из холмистого Пскова
Обрезки старинной души
Ссылают на остров Святого
Людовика и -

не дыши...

1978

Пахнет пылью "*belle époque*",
 Позолотой, кожей старой...
 Посреди земного шара -
 Не ларек, не сундучок:
 На щербинах парапета
 Ящик с книгами повис,
 Сел на стульчик букинист
 Над безумием планеты...

На мосту - шарманка...

Там -

Шляпы с перьями и шлейфы,
 И четвероногий Эйфель
 Догоняет Нотр-Дам.
 Ох, четвероногий Эйфель!
 Врет, что он - земная ось.
 Мир - хоть оторви да брось:
 Ни колумбов нет, ни лейфов,
 Все под переплет ушли -
 Закрывается планета...

Отделишь ли тьму от света
 На окраинах Земли?
 Небоскребы да могилы,
 Где-то взрывы, грабежи,
 Где-то вовсе ни души,
 Где-то очередь за мылом,
 Хриплых двигателей свист,
 Телевизоры, пожары -

Посреди земного шара
 Умер старый букинист.

1978

Гнедой выносит на мыс песчаный -
Тут грань Европы и Океана.
И сам давно уж не знаю, где я -
Осенний ветер метет Вандеей.
И узких листьев по травам шорох
Напоминает, как пахнет порох:
Шуаны живы в совином крике!

По серым дюнам, по желтой вике
Стучат копыта и факел светит,
Чтоб сквозь туманы прорвался Ветер!

Край света слева,
Край света справа...
Шуаны, или...

Казачья лава?

.....
 Спасибо, Ветер, за степь донскую,
 По стремнам я опять тоскую.
 Спасибо, Ветер, за гривы в рожу -
 Вовек поводья из рук не брошу,
 Скорей бы сам на куски распался,
 Чем вдруг разжал бы пружины пальцев!

**За глотку, зычную, как вече Пскова,
За злоязычие и за рисковость,
За руки женщин, за очи ведьмы,
За каждый вечер, спасибо, Ветер!
За перепалки дождей и молний,
За переулки, что с горки - к морю,
За Крым не сдавшийся,
                        с ю да ушедший,
За ту Вандею, что мне завещана!**

Спасибо, Ветер,

Что ты сдуваешь листву законов,
Волну взбиваешь,
И гулко свищешь в ушах знакомых,
Тех, что забыли...

Но это - мимо!

К бретонским скалам,
К утесам Крыма!
Край света слева, край света справа,
По низким дюнам белеют травы,
Так нарукавные кресты белеют -
Непримиримость метет Вандеей -

И ветер пахнет внезапным дымом,
Бретанью Белой
и Белым Крымом!

1978

Бретань

На пегих скалах пена ржет и стынет,
Хаос камней и чаек - пей до дна!
Тяжелыми обломками латыни
Завалена старинная страна.

Тут край скалы. В бесцветный час отлива
Смолкают даже чайки до поры.
Тут край земли. И с этого обрыва
Одна дорога ей - в тартарары!

Нет, это вам не Франция! Поныне
Крылатых кельтских шлемов снится скань!
Никчемными обломками латыни
Завалена неримская Бретань.

1978

Уходит женщина во мрак.
Безлюдный мост. Пустой кабак.
Не знают стекла почему
От них она идет во тьму,
Зачем так злобен за спиной -
Лишь обернуться - свет стеной.
Но в зеркалах открытий нет...

И лучше в спину этот свет,
Чтобы глаза наелись тьмой
Над набережною немой,
Чтоб чудился в каштанах свист,
Чтоб фары черные цвели,
Захватывая желтый лист, -
И прочь. Туда. За край земли,
Где сон еще не так пуглив,
Где поглощает мглы прилив
Тот мир, в котором просто так
Уходит женщина во мрак...

1978

Пикардия

В Компьенский лес уходят кони,
И колокольня смотрит вдаль.
Ей все равно - пусть ветер гонит
Листву в пустой Мориенваль.

Так эта осень бесконечна,
Что нет ни света ей, ни тьмы,
И падает не солнце - свечка
За пикардийские холмы.

Витраж, как паутина, славит
Былую легкость летних дней,
Но отведи глаза - раздавит
Романской тяжестью камней!

Белесый сон ползет в долины,
Сглотнув измученную даль,
Как будто брызги мокрой глины
Летят в глухой Мориенваль,

Где церковь - темная, немая
Тысячелетняя стена,
На контрфорсах поднимает
Чужих монахов имена...

1979

У МАЯКА

В.Л.П.

Когда отлив ползет с песка
 За маяком Сен-Геноле,
 За этой грудой круглых скал
 Урчит Атлантика во мгле.
 И чайки падают в туман,
 И мы одни на всей земле -
 На самой маленькой скале
 У маяка Сен-Геноле.
 И нет ни моря, ни земли,
 И горизонта нет вдали...
 И за спиной - туман стеной...
 Ты видишь? Это - край земной.
 Ты знаешь, тут не рай земной,
 И все же ты стоишь со мной
 Под этим маяком немым.
 Тут даже чайки не кричат,
 Тут молча падают в туман,
 Тут - край земли.

А что за ним?

Но скалы серые молчат.
 Отлив молчит.

И те кресты -
 Рыбачьих сейнеров кресты.
 Тут ночь боится пустоты.
 А ты?

Боишься пустоты?
 А я?

Не знаю... Я промок...
 Песок - и ничего окрест....
 Лишь каменный тяжелый крест
 На перекрестке двух дорог.
 Они расходятся...

Куда?

И крест поставлен на пути.
А на любви?

За что?

Когда?

И перекрестка не найти,
И горизонта нет вдали!

Но все-таки зови, зови -
Мы были на краю Земли,
Любили на краю любви...

1979 Бретань.

Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна.

А.Блок.

Захлопнуть дверь и оказаться
В средневековом городке,
Где пятки мокнувших акаций
И стены крутятся в реке.
Из четырех надвратных башен
Которая глядит куда?
Во все ворота путь не страшен,
Под всеми стенами вода...
И никого не спросит осень,
Зачем забрел, когда - назад?

Все оттого, что каждый носит
В себе свой соловьиный сад.
Я рвусь через его ограду,
Осенним журавлем трубя,
Мне - только дальше бы от сада
И от себя.

А ты - в себя.

В себя тропинкой-недотрогой -
Ну как столкнуться нам с тобой,
Когда в себя - одной дорогой,
А от себя - совсем другой!
И что за чортовы качели:
Один - туда, другой - сюда...
В себя уходят еле-еле,
А от себя - так никогда!
Зачем булыжные дороги,
И четверо ворот к чему?
В себя уйти дано немногим,
А от себя - так никому.

Я краду тебя, чтобы мокрым лесам
Заплатить за первую медь.
Ведь недаром лист прилипал к часам,
Чтобы мне на них не глядеть.

Я краду тебя, как дикарь божество,
Чтобы в капищах прятать лесных,
Я краду тебя у себя самого
Так, как прежде крал у других.

Ведь за все эти кражи - возмездье мне:
Красть во сне, отдавать наяву,
И гореть - не сгорать в кленовом огне,
Как язычнику и волхву.

1980

В коричневых листьях черешни
Хрустящего ветра шаг...
Благослови нас грешных,
Святой Иоанн в Лесах!
Глядят со слепую болью
Острые окна твои,
С укором глядит колокольня -
Кумира не сотвори!
За то, что завета не слушал
В тот миг, когда жизнь на весах,
Возьми, раствори мою душу,
Святой Иоанн, в лесах.

Не отрекусь от боли,
Ибо - зола к золе...
Свою грядущую долю
Я взял уже на земле -
Теперь расплатиться нечем,
Нечем себе помочь.
Полжизни - за этот вечер,
Полжизни за эту ночь!
Только мгновение мудро,
Не время листве облетать...
Еще полжизни - за утро,
Да где ее, третью, взять?

Когда я один останусь
В желтом лесу твоём,
Когда я осиной стану -
Одень меня желтым сном,
Чтоб ветер листву не сбросил,
И дождь не внушал мне страх...

Благослови мою осень,
Святой Иоанн в Лесах!

От Китежа до Петербурга -
Совсем не так далеко:
Следи за полетом окурка,
Брошенного в Неву...

От Лондона до Атлантиды
И вовсе рукой подать:
Гулкий Биг Бен обиду
Колышет в желтой воде...

Говорят, Венеция скоро
Будет на дне морском...
Лев Святого Марка,
Отращивай плавники!

Да только зачем - об этом?
Все-таки мне никак
Не нравится быть поэтом
Тонущих городов...

1980

Аппиева дорога,
Лавровая зима.
Аппиева дорога -
Римская Колыма.

Пореем да жареным салом
Несет на третьей версте.
У крестов конца не хватало,
Распинали на букве "Т".

От устриц и лимонов
Отбросы закат золотит?
Нет, медные легионы
Отдыхают на камне плит.

Рим загорается сзади,
И ясно, что Страшный Суд -
В траттории "*Quo vadis?*",
Где макароны жрут...

1980

На площади Вогез,
На старой *place de Vosges*,
Опять попутал бес
Влюбляться в эту ложь,
Где красных стен квадрат
И окон переплет
Глядят в кленовый сад,
Над пиками оград
Лист за листом плывет,
Как тени львиных лап,
А в воздухе висят
Следы пернатых шляп...

Сырая глушь аркад
Все искажает так,
Как будто бы звенят
Фантомы старых шпаг...

Нет, просто антиквар -
Вздыхающий Гобсек -
На ключик закрывал
Едва ли бывший век...

1983

Голландский тюльпан и фламандская роза...
Трещит горизонт, как сухая вискоза,
Его прорывают туда и обратно
Машины, и как он висит - непонятно.

В преддожде асфальтовом, в облаке черном,
Лесочки, пригорки и паркинги - к чорту!
Вся в дырках седая, сухая вискоза,
И - проблеском солнца - тюльпан или роза.

"Мне кажется даже"...не творчеством - кражей
В строку засупоненные пейзажи...
И все-таки тучи и сосны и ветер,
Все лезет, все ломится в строчки вот эти,
Все требует: затормози у кювета
И стебли рвани, так, чтоб вместо ответа
Тут, рядом с тобой на переднем сиденье
Остались чужим ощущеньем серьеза,
Не бывшей, не нужной, не памятной тенью
Голландский тюльпан и фламандская роза...

1983

То, что делаешь, делай скорей!
Пусть останутся хлеб и вино.
Растворяйся в тумане аллей,
Чтобы стало тепло и темно.

Потому, что теплей без тебя,
Хоть, наверно, темней без тебя...
Но промерз я с тобой и не рад,
Что теплей одному и нигде.
А темней? Но кошачий мой взгляд
В темноте - словно рыба в воде.
Наглотавшийся мертвенных числ,
Заплутавшийся в сердце своем,
Я оплачу таинственный смысл
Этой вечера тайной вдвоем...

Не оглядывайся у дверей.
Я смолчу. Я давно уж не тот.
И тебя ведь никто там не ждет...
То, что делаешь - делай скорей.

1984

Трижды в сутки тяжелые колокола
Оглашают глухой городок.
У пустого пруда, у сухого ствола
Слишком много влюбленных строк...

Но, идущий ко дну, не забыл ни одну -
Прижимаюсь к пустому окну...
Где, когда заработал я эту вину?
Все - любовную лямку тяну...

Равнодушья прошу! Но никто не подаст,
Хоть отсохни, ладонь протянув,-
Не подаст безразличную холодность астр
И сентябрьской души тишину.

Трижды в сутки чугунные колокола
Оглушают пустой городок,
Но все кажется, видится из-за угла
Красно-серый голландский платок...

Март 1984

Город - призрак в белую ночь,
Ибо призрачен даже чугун,
Ибо тени в белую ночь -
Только отзвук молчащих струн.
Просто нет их теперь, теней...
Это здесь писал Шамиссо...
Просто ночи - призраки дней,
Колоннады - призрак лесов.
Город-призрак, последний князь
Новгородской вечной земли,
Сквозь его тротуары и грязь
Веча призраки проросли.

Так, ..Но ты одного берегись -
Если в эту ночь без теней
Ты заметишь, глянувши вниз,
Тень у ног подруги твоей,
Тень, что в этот плывущий час
Ни садам, ни любви не нужна.

Если тень сохранила она,
Непременно тебя предаст!

1984

АВТОРУ "ПУТЕШЕСТВИЯ ДИЛЕТАНТОВ"

Когда трубач над Краковом
Возносится с трубою,
Хватаюсь я за саблю
С надеждою в глазах...

Б.Окуджава

Да здравствуют дилетанты!
Ибо, в конце концов,
У любых профессионалов
Получаются только бредни.
Из трех дилетантов с гитарой,
Из трех российских певцов
Поручик Амилахвари
Остался один. Последний.

Дрожащей струной басовой
Все глуше играют ветра...
Вечные дилетанты -
Не хватит ли шляться по свету?
Поручик Амилахвари!
Труба говорит: "Пора!".
Поручик Амилахвари,
Поищем *Мост через Лету?*..

На Вашем Сивцевом Вражке,
Где Мастер когда-то жил,
Поищем?

Бетоны гладки.

Все сносят...

И взятки гладки.

Серебряный переулок -
Вот и все, что в Москве я любил...
Что они, суки, оставили
От моей Собачьей Площадки?

Слух дошел - Вы, вроде, сдаетесь?
Ну конечно - сломали Арбат.
Кивер - на гвоздь, а саблю -
Словно топор - под лавку.
Вы ж офицер гусарский!
И с Вами - Бумажный Солдат!
Поручик Амилахвари!
Уж нам-то нельзя в отставку!

Поручик Амилахвари!
Я не случайно рожден
В тот самый день, накануне
Надежды, Любви и Веры...
От греческого пирата
Матушкиных времен
До меня, до седьмого колена -
Все русские офицеры.

И Вы - офицер гусарский!
А с Вами - Бумажный Солдат...
И даже если последний
Троллейбус проходит мимо,
Поручик Амилахвари,
Ведь Ваш псевдоним - Булат.
Будьте достойны, поручик,
Этого псевдонима!

Никак нам нельзя в отставку!
А знаешь, на склоне лет,
Церемонно целуя ручку
Новой Прекрасной Даме,
Поручик Амилахвари,
Мой по Сосновке сосед,-
Мы еще погуляем
Над Ольгинскими прудами!

По радуге бледного моста
Уходят в небо машины,
А радуга - только в три цвета,
Крутая, как этот мост...
Дорога уходит в небо,
А в небе давно я не был,
Но помню - бретонские сосны
Над облаком. В полный рост.

1979

Сен-Назер

ОСЕНЬ В НОВОЙ АНГЛИИ

Ты добра не ищи в тишине
 За излучиной черной реки,
 В неосвоенной странной стране,
 Где дрожат города-островки.

Пусть прибой громче боя часов -
 Тише смертного мстящий туман
 За индейскую душу лесов,
 Как за бредберевских марсиан.

Говорил ясновидец Эдгар,
 Генри Торо - забытый пророк -
 Как всемогущен зеленый пожар,
 Как непрочен дощатый мирок,
 Как бесспорна невятная власть
 Мрачным эхом играющих сов,
 Как душа не боится лесов
 Только если в лесах родилась...

И поныне туманом грозят
 За гибель индейской души
 Делавава болотистый ад
 И Коннектикут серых вершин,
 А в рассвет - до предела сгущен,
 Тот туман обернется дождем,
 Превратив облетающий клен
 В медный призрак с орлиным пером...

1979 - 1991

Рейн в зеленом ущелье
 Плещет о черный камень,
 Дымится закат в расщелинах
 Над белыми городками -
 Прямо перед глазами
 На виноградные склоны
 Лезут зубчатые замки,
 Рыжие, как драконы.
 И солнечная корона
 Приносит закатный праздник
 В тот, на крови дракона
 Выросший виноградник.

Пока в погребке на острове
 Драконью кровь подают,^{х/}
 Над башенкой низкорослой
 Куранты минутки куют...
 Горы черней в соснах,
 Воздух лиловый низко,
 Русалки вечером поздно
 Катаются на василисках,
 А выше, молотом лунным
 Карлик монетки чеканит,
 И Песни о Нибелунгах
 Все - у него за щеками...

1992

---

^{х/} "Драконья кровь" (*Drachenblüt*) марка рейнского красного вина.

Ну вот мы и дома -
В Венеции нашей сырой,
От римского солнца
Ныряем в душевный покой.
Не там,
Где оркестры
Да фрески в толпе голубей,
А в темных
И тесных
Проулках, где ветер грубей.

У Рыбного
Рынка,
Где серый гранит в чешуях,
Мелькнет
Серебринка
В ленивых волнах - не волнах...
У столбиков
Пестрых,
Где зыбью - то вверх, то вниз -
Гондолы,
Как сестры,
Посплетничать собрались...

1991

Там, где гулки узкие кварталы,
Там, где даже в полдень полутьма,
И над переулками каналов
Охрою бордовую дома,
Где открыты лавочки пустые,
И коты блестят от тишины,
Только из ближайшей пиццерии
Голоса людей еще слышны -
В этой тесноте, сырой и тленной,
Ночью - словно жабрами дышал...

Нужно было тут же, непременно,
Выйти, выйти на Большой Канал,
Где тяжелых волн бескрылый танец
Беспокоит утренний туман,
И единственный венецианец -
В черной треуголке Шагинян...
Черные гондолы, выгнув спины,
Пляшут на волнах небывших рек,
Окна - отражения дельфинов,
Тех, что тут не плавали вовек!

Крытый мост Риальто - узкий терем -
Напружинил тяжкую дугу,
В ней остаток облачка потерян
И рассветом сыплет на бегу.
Рваного тумана укоризна
Не смутит промозглую судьбу...

Только брызги, северные брызги,
Долетают к Львиному Столбу.

Узорный византийский храм
Над католической лагуной...
Выпрыгивают ночью лунной
Витражи из свинцовых рам.
А рядом, окон лишена,-
Для штукатурки нет парада! -
Дворца тяжелая стена
Вот-вот расплющит колоннаду!

Венеция! За что вот так
Хватаешь сыростью осенней?
В безлистом буром облысенье
С окошек облупился лак.
Жестянки ставенек буланных,
Пятиэтажье рыжих стен,
И не видать зевак совсем.
Ступеньки мостиков карманных...

И ветер, из-под них трубя,
Вдруг объяснит, что строчек хаос
Не выстроить в стихи никак,
Пока, бездомней всех собак,
Вконец иззябнув, не расскажусь,
Что здесь бродил я без тебя...

1989

Продаются лукавые маски.
А листвы в этом городе мало.
Сыплет ветер аккорды неясной
Мандолины с Большого Канала.

Легкий вечер. Тонкие струны.
Холодней дыханье асфальта.
Крики чаек слышны от лагуны,
Толчя на базарной Риальто.
Расшумелись в каменной раме
Волны, взбитые катерами.

Не хочу их пенного гула -
Наугад сверну в переулок,
В ту, стесненную стенами высь,
Где двум лодочкам не разойтись.

В темных лавочках прячутся сказки.
Только этих сказок концы -
В воду...

И никакой огласки...

Продаются лукавые маски,
И лукаво молчат продавцы.

От всхлипов старинного джаза
В кафе у Сорбоннской капеллы
Решетка сада - как ваза -
Отражая гудки, запела.
Липы, дубы и вязы -
Вместе все облетело,
И постарело разом
Статуй мокрое тело.

Беспечные лица женщин
С тенями и светом медным,
Вечерний лик Сен-Мишеля
Сменяется незаметно
Свечением сумасшедшим:
Стечение фар машинных,
Сияющие карнизы
Окон, подсвеченных снизу,
В смещение зимы и лета,
В смещение тьмы и света -
Сгущенье мощных камнем -
На мокром - пятен рекламных,
Отраженных в дожде недавнем,
Возвращенных стеклам и ставням,
Фонарям в напряженные дуги
И нам, отраженным друг в друге,-
Чтоб стряхнув световые перья,
Вдруг найти за стеклянной дверью
Тишину, что укрыться успела
В кафе у Сорбоннской капеллы...

1992

Тяжелый юг. Тяжелое вино.
И терпкое, как плющ на белых стенах,
Что оплетает узкое окно,
Где черные решетки неизменны...

Взгляд с улицы на узкое окно -
И стекол нет, но все внутри черно.

Вот так же в кружку глиняную глянешь,
В ней цвет вина вовек не различить -
Пить наугад, или совсем не пить?
Пока со света в темноту устанешь
Глядеть в чужое узкое окно:
Кто в комнате? Увидеть не дано.

В тяжелый полдень медного чекана
На берег ветер скатится густой -
Он не остудит йодистый настой,
И пальцами не шевельнут платаны.
Не прояснится черное окно.

Тяжелый юг, тяжелое вино...

1992

КАНЦОНА

И возвращаются реки к истокам, и что было,
то будет и впредь. /Экклезиаст/

Раскаленные площади дышат латынью,
На горбатые мостики римского дня
Сухо падает небо непрошенной синью,
Рвутся вверх из фонтана четыре коня...
Я вторично вхожу в ту же самую реку -
Нет дурной бесконечности у бытия,
Возвращаются годы, как псы к человеку,
Возвращается ветер на круги своя.

Меж котов Колизея смешную тревогу
Сеет резкий звонок - сколько ни повторяй -
То на Старую Аппиеву дорогу
Через заросли пиний выходит трамвай...
Из молчанья преданий, из тьмы узнаванья,
Из причудливой смеси зверья и людья,
Возвращается строчка к началу посланья,
Возвращается ветер на круги своя.

В те же скалы колотится пена прилива.
Этот мраморный стол... Вот уж двадцать веков
На столешницу ставят остийское пиво,
То, которым Катулл угощал моряков...
Нет, не так уж печально у Экклезиаста -
Есть у рек берега, есть у моря края -
Разве так это страшно, что верно и часто
Возвращается ветер на круги своя?

И...седая гравюра, возникшая разом -
Тот же дождь вдоль Лебяжьей Канавки бредет,
И темнеет, намокнув, гранитная ваза,
И в тяжелой штриховке не видно пустот.
Отсверкав чешуями в рассвете жестоком,
Под мостами в тяжелых узорах литья
Возвращаются реки, как прежде, к истокам,
Возвращается ветер на круги своя.

За окном вагона - остаться б на этой поляне.
Задохнувшись гонкой, мостами -

не до гуляний,

Не до костров купальских...

Остаться, остановиться,

И - как песок сквозь пальцы -

Из Времени рукавицей.

С руки потерянной, за поленицу завалившись,

Коснись безвременья...

Полой ленью застынут лица.

И ждать погоды.

Не у моря - ведь море отнято,

А сжать все годы,

Сдавить все горе

в ладони потной,

Не выпуская...

Вот так - синицу.

Не журавля же!

И жизнь словами вся в полстраницы

Спаленно ляжет...

1990

СОДЕРЖАНИЕ

Опять сведенных жаждой губ...	5
Бунтует парк...	6
Михайловское	7
Жалейте мокрые заборы...	9
Изборск	10
А живут в Дибунгах...	11
Вечерами в переполненном трамвае...	12
Когда случается...	13
Вот и сонный июль...	14
Кафе на окраине	15
Стеклянный вечер...	16
Вот так остановиться...	17
На льду...	18
Впереди бесконечная зима...	19
Замыкание времени	20
И крылья яхты...	21
В пустоте...	22
Под влажным солнцем осени...	23
Памяти Чехословакии	24
Вот и полночь...	25
Бакинская бухта	27
В небе летнем, старинном...	29
Август был самодержавен...	30
Черные сучья, белые стены...	31
А меня никто не провожает...	32
Колхида	33
И снег на площади...	34
В этом торчащем и многоэтажном...	35
В безоблачности...	36
Из варяг в греки...	37
Кто мы?..	38
Тиррения	39
Замок Ангела стал музеем...	40
Мы - из Китежа	41
Несложно дверь сорвать...	43
Как старый клошар...	44
Три обезьяньих божества...	45

Снег в Париже	46
Спи, спи, дождик идет...	47
Фуга	48
Вот так подаются в клошары...	50
Пахнет пылью...	51
Гнедой выносит на мыс песчаный...	52
На пегих скалах пена...	54
Уходит женщина во мрак...	55
В Компьенский лес...	56
У маяка	57
Захлопнуть дверь...	59
Я краду тебя...	60
В коричневых листьях черешни...	61
От Китежа до Петербурга...	62
Аппиева дорога...	63
На площади Вогез...	64
Голландский тюльпан...	65
То, что делаешь...	66
Трижды в сутки...	67
Город-призрак в белую ночь...	68
Автору "Путешествия дилетантов"	69
По радуге бледного моста...	71
Осень в Новой Англии	72
Рейн в зеленом ущелье...	73
Ну вот мы и дома...	74
Там где гулки...	75
Узорный византийский храм...	76
Продаются лукавые маски...	77
От всхлипов старинного джаза...	78
На Эспланаде день...	79
Тяжелый юг...	80
Канцона	81
За окном вагона...	82

